

После того как полиция увела Чу Шэна, господин Чу, подавленный и одинокий, вернулся в старый особняк. Он не хотел даже думать о том, какую роль в этом несчастье сыграл его второй сын, Чу Шэн. Судя по имеющимся уликам, его след нигде не прослеживался.

Возможно, он действительно был невиновен и ничего не знал. А возможно, зная всё, он предпочёл промолчать и наблюдать со стороны, позволив старшему брату стать козлом отпущения.

Пока Чу Шэн сам не заговорит, всё это останется тайной.

Сейчас господин Чу, хоть и с болью в сердце, заставлял себя встать на место Чу Шэна и понять, почему тот решил расправиться с семьёй Чу Ин.

Почему? Ин-эр покинула семью много лет назад. По идее, Чу Шэну не было причин убивать сестру, которая не представляла для него никакой угрозы и с которой он давно не виделся.

Так почему же?

Господин Чу прищурился, погружаясь в воспоминания.

Нет! Если встать на место Чу Шэна, как это Ин-эр могла не представлять угрозы!

Много лет назад он и впрямь подумывал о том, чтобы найти для Ин-эр мужа, который войдёт в их семью, и передать ей управление делами Чу.

И хотя с тех пор многое изменилось, Сяохань всё ещё был так мал. Чу Шэн, вероятно, боялся, что возвращение Ин-эр вновь наведёт господина Чу на мысль передать ей бразды правления.

Ведь по сравнению с Сяоханем, которому требовалось ещё десять-двадцать лет, чтобы вырасти, вернувшаяся Ин-эр представляла куда большую угрозу.

А может, именно потому, что Сяохань был ещё мал и будущее туманно, Чу Шэн и не тронул его. Вероятно, он рассчитывал, что если господин Чу умрёт до того, как Сяохань повзрослеет, то он всё равно сможет им управлять.

Именно из-за этих расчётов все эти годы царило затишье. Но внезапное возвращение Ин-эр разрушило все планы Чу Шэна, заставив его действовать поспешно.

Какой расчёт, какой змеиный холод! Подумать только, он почти сорок лет растил не сына, а

ядовитую змею, готовую в любой момент нанести смертельный укус!

Раньше он думал, что его сыновья просто непутёвые и порой поступают безрассудно. Он боялся, что семья Чу придёт в упадок в их руках, и потому решил как следует воспитать Сяоханя. Тогда, даже если они и останутся ни на что не годными, кровь не вода — Сяохань позаботится о том, чтобы они жили в достатке до конца своих дней.

Но теперь...

***

Семья Линь.

Вернувшись домой, Фэйфэй, как и обещал, сразу же повёл Чу Сяоханя в свою игровую комнату. Сняв обувь, он потянул его за руку, и они вместе залезли в палатку.

Линь Сынянь, Линь Гошэн и другие по очереди заглядывали к ним. Линь Сынянь принёс ещё два одеяла, а Линь Гошэн — два комплекта пижам.

Линь Хань и Линь Линь и вовсе повели себя нелепо: они попытались залезть в палатку, чтобы спать вместе с Фэйфэем. Но, протиснувшись внутрь, они тут же уныло вылезли обратно.

В палатке уже лежал огромный плюшевый медведь, и места едва хватало для двух малышей. Двум почти взрослым юношам там было тесно, спать было совершенно невозможно.

Уходя, Линь Хань всё ещё пытался уговорить Фэйфэя спуститься вниз и спать всем вместе на большом футоне, но малыш отказался.

— Братик, сегодня Фэйфэй хочет спать в палатке с братиком Сяоханем. Фэйфэй ещё никогда не ночевал в палатке, — энтузиазм малыша по поводу палатки ещё не угас. Наконец-то у него появился товарищ для ночёвки, и, конечно же, он хотел спать именно там.

Однако, увидев разочарование в глазах Линь Ханя и Линь Линя, малыш всё же утешил их:

— Братики, в следующий раз мы можем поставить во дворе большую палатку и спать все вместе.

Тут же, на глазах у малыша, Линь Хань заказал огромную палатку, которая на картинке выглядела как небольшой домик. Договорившись с Фэйфэем о следующей совместной ночёвке, они, то и дело оглядываясь, удалились.

Когда они ушли, Фэйфэй взял свою пижаму с мишкой и сказал Чу Сяоханю:

— Братик Сяохань, пойдём купаться.

За день малыш устал: сначала детский сад, потом празднование дня рождения господина Чу.

Он зевнул, желая поскорее вымыться и лечь спать.

Чу Сяохань взял пижаму, приготовленную для него семьёй Линь, а затем и пижаму из рук Фэйфэя.

— Пойдём, Фэйфэй, ты уже зеваешь.

Чу Сяохань подозревал, что если они не поторопятся, малыш уснёт прямо в ванной.

Покинув несколько гнетущую атмосферу дома Чу, Чу Сяохань, хоть и продолжал беспокоиться о дедушке, почувствовал себя гораздо спокойнее.

«По крайней мере, дедушка обещал, что обязательно сам заберёт меня, не так ли?» — утешал он себя.

Летом мыться быстро. К тому же, и Чу Сяохань, и Фэйфэй привыкли принимать ванну каждый вечер, так что, кроме липкого пота, они не были грязными.

Через двадцать минут они вышли из ванной, уже переодетые в пижамы.

На Фэйфэе была его любимая пижама с мишкой, а на пижаме Чу Сяоханя красовалась голова тигрёнка — совсем не грозного, а скорее милого.

Дома Чу Сяохань всегда выбирал себе самые простые, базовые пижамы. Сейчас, в этой милой пижаме, принадлежавшей Фэйфэю, он чувствовал себя немного неловко.

А Фэйфэй, забравшись в палатку, тут же превратился в настоящего медвежонка: он пополз на четвереньках, а за его маленькой попкой покачивался пушистый хвостик.

Фэйфэй подполз к своему большому плюшевому медведю и спрятался у него на животе.

— Братик Сяохань, — сказал он, выглядывая из-за медведя, — в следующий раз, когда будем играть в прятки с Юаньюанем, давай прятаться здесь, хорошо?

Медведя малышу подарил Линь Хань — огромную плюшевую игрушку. Во время игры в прятки один ребёнок мог спрятаться у живота медведя, а другой — за его спиной. Найти их было бы действительно нелегко.

— Хорошо. Но мы ведь сейчас не играем в прятки, тебе там не жарко? — только что из ванны, а малыш уже так резвится, наверняка опять вспотеет.

Чу Сяохань с лёгким вздохом добавил:

— Вылезай скорее. Ты же говорил, что хочешь спать. Почему после ванны ты снова такой бодрый?

— Ха-а...

Словно в ответ на слова Чу Сяоханя, Фэйфэй, лёжа на животе медведя, снова зевнул. Он сполз с плюшевой игрушки, подошёл к Чу Сяоханю, лёг рядом и натянул одеяло на свой маленький животик.

Его ручка похлопала по пустому месту рядом.

— Братик Сяохань, давай спать.

Чу Сяохань лёг, так же, как и Фэйфэй, натянул одеяло на живот и, повернувшись к малышу, сказал:

— Фэйфэй, спокойной ночи.

— Братик Сяохань, спокойной ночи.

Пожелав друг другу спокойной ночи, они закрыли глаза.

Сегодня Чу Сяохань, хоть и продолжал заботиться о Фэйфэе, был гораздо молчаливее, чем обычно.

***

Глубокой ночью Чу Сяохань, тяжело дыша, проснулся от кошмара. Слёзы сами собой покатались из уголков глаз.

Он посмотрел на спавшего рядом Фэйфэя, не желая его будить. Перевернувшись на другой бок, спиной к Фэйфэю, он медленно свернулся калачиком.

Он снова проснулся среди ночи. Но это был не его дом, и он не мог пойти в комнату бабушки, чтобы прислушаться... к его дыханию.

Чу Сяохань не хотел, чтобы его плач был слышен. Он зажал рот рукой. В темноте маленькая, ещё детская фигурка беззвучно содрогалась.

Вдруг сзади к нему прикоснулась маленькая ручка. Сонный, нежный голосок спросил:

— Братик Сяохань, что с тобой? Тебе приснился кошмар?

— Братик Сяохань, не бойся, не бойся, Фэйфэй прогнал твой кошмар, — приговаривал он, поглаживая Чу Сяоханя так, как когда-то Ян Юйин утешала его самого. — Поглажу шерстку, прогоню страх. Если кошмар вернётся, Фэйфэй его съест!

Малыш вспомнил наставление бабушки Чу, которое тот дал ему перед отъездом. И хотя глаза его слипались от сна, он очень старательно утешал друга.

С тех пор как Фэйфэй проснулся, Чу Сяохань подавлял рыдания и упрямо не поворачивался к нему.

Даже плач ребёнка, слишком рано повзрослевшего, был сдержанным.

Когда Чу Сяохань наконец смог справиться со слезами, он хрипло проговорил:

— Всё в порядке, Фэйфэй, спи дальше. Мне просто приснился кошмар.

Фэйфэйю было всё равно, что Чу Сяохань не хочет поворачиваться. Он медленно подвинулся ближе, прижавшись к его спине, словно маленькая тёплая печка.

— Братик Сяохань, какой кошмар тебе приснился? Можешь рассказать Фэйфэйю? Папа говорит, что если рассказать кому-нибудь о своём кошмаре, он перестанет быть страшным.

Чу Сяохань долго молчал, потом нерешительно спросил:

— Правда... перестанет быть страшным?

Малыш уверенно заявил:

— Правда! Братик Сяохань, верь Фэйфэйю.

Сегодня Чу Сяохань был очень молчалив. Но, возможно, из-за того, что он слишком долго держал всё в себе, под ласковым утешением малыша ему вдруг захотелось выговориться.

— Мне правда приснился кошмар, — сказал Чу Сяохань. — Мне приснилось, что я ищу дедушку по всему дому и не могу найти. Я всё время искал, много раз падал, разбил в кровь руки и колени. Было очень больно, но я продолжал искать.

И вот я ищу, ищу, и вместо дедушки нахожу своего отца. Того самого неприятного человека, которого ты видел сегодня, Фэйфэй. Это мой отец.

Он не был злым, он даже улыбался мне, но он мне всё равно не нравился, и я не хотел к нему подходить.

Он держал в руках стопки документов и заставлял меня их подписывать, а я не хотел.

И тогда его улыбка исчезла. Он стал смотреть на меня без всякого выражения, очень-очень зло. Он замахнулся и ударил меня по лицу, по телу. Я не хотел, чтобы он меня бил, и укусил его.

Он пнул меня ногой, очень-очень больно, и я от боли проснулся.

Это был действительно ужасный кошмар. Особенно когда Чу Сяохань сказал, что тот страшный человек — его отец, малыш проникся ещё большим сочувствием.

Слушая его рассказ, он и сам начал бояться. Он крепко обнял Чу Сяоханя, и его нежный голосок задрожал:

— Братик Сяохань, Фэйфэйю тоже страшно.

Чу Сяохань посмотрел на маленькую ручку, вцепившуюся в тигрёнка на его пижаме...

И этому малышу дедушка поручил его утешать? Теперь ему самому придётся утешать напуганного ребёнка.

Чу Сяохань повернулся и тоже обнял Фэйфэя.

— Не бойся, не бойся. Всё, что в кошмарах, — неправда. Не бойся. Давай не будем об этом думать.

— Братик Сяохань, почему он такой злой? — тихо спросил малыш, уткнувшись в его грудь.

Дело было не в том, что Фэйфэй не мог отличить сон от реальности. Отец, который снится собственному сыну в таких кошмарах, сам по себе был проблемой.

По крайней мере, Фэйфэйю никогда не снилось, чтобы Линь Сынянь его бил. Максимум — не давал съесть пирожное, отчего малыш плакал во сне от обиды.

Чу Сяохань не знал, как ответить на этот вопрос. Наконец, он сказал:

— В мире есть хорошие люди, значит, есть и плохие. Иногда для злости плохих людей не нужно причин. А иногда... у них есть что-то более важное, ради чего они готовы стать очень плохими.

В конце концов Чу Сяохань почувствовал себя совершенно измотанным. Как так получилось, что кошмар приснился ему, а утешать пришлось ему?

***

Малыша долго утешали. В конце концов, возможно, из-за того, что злоба Чу Шэна оставила слишком глубокий след в его памяти, Фэйфэй, снова заснув, увидел сон, основанный на рассказе Чу Сяоханя.

Во сне Чу Шэн больше не скрывался под благообразной личиной, способной обмануть людей. Во сне маленького мифического зверя он был разоблачён и предстал в своём истинном облике.

Искажённый желаниями и злобой, построенный на лжи, до крайности уродливый и ужасающий. Таким Фэйфэй видел истинное лицо Чу Шэна.

И этот Чу Шэн, который, сохранив прежний облик, превратился в чудовище, преследовал Чу Сяоханя.

По сравнению с ним, бегущий впереди Чу Сяохань казался таким беспомощным и отчаявшимся.

Сны Фэйфэя всегда могли бессознательно передаваться тем, с кем у него была связь. Например, Линь Гошэну, или всем членам семьи Линь.

Раньше у господина Чу такой связи не было. Но сегодня, через те самые чётки, она появилась.

Господин Чу проснулся в холодном поту. Под тихим воздействием чёток его эмоции не были слишком бурными, но этот сон стал для него как удар посохом по голове, вырвав из пучины скорби.

Для Фэйфэя этот сон был лишь наблюдением со стороны. Хотя и было страшно, после пробуждения от него почти ничего не осталось. Но для господина Чу это был не просто сон. Это было похоже на саму реальность.

Раньше он, конечно, беспокоился о Сяохане. Но, находясь в другом положении, он не мог до конца понять, какой ужас и страх охватят ребёнка, если он, господин Чу, внезапно уйдёт, оставив его одного перед лицом всех проблем семьи Чу.

Этот страх и ужас для ребёнка — словно клеймо в душе. Он может повлиять на всю его дальнейшую жизнь.

Он уже взвалил на плечи Сяоханя так много в его детстве. Неужели он теперь эгоистично уйдёт?

Господин Чу мог живо представить себе уродливые гримасы и жадные ухмылки тех, кто позарится на достояние семьи Чу после его смерти.

Даже при защите семьи Линь... семья Линь, в конце концов, не была домом Сяоханя.

— Эх, мне, старому, ещё рано на покой, — глубоко вздохнул господин Чу. Его угасший было дух внезапно обрёл новую силу.

У господина Чу, кроме сердца, не было серьёзных проблем со здоровьем. И даже с сердцем врачи утверждали, что при должном уходе он проживёт ещё лет двадцать.

Его нынешнее состояние было вызвано лишь ударом от гибели дочери и её семьи, который оказался для него слишком сильным.

Даже то, что Чу Шэн подсыпал ему яд, не потрясло его так сильно. К тому же, всё обнаружилось вовремя, и его здоровье не пострадало необратимо.

Но в одном Чу Шэн был прав: «Не воспитал — вина отца».

Чувство вины перед дочерью было слишком глубоким.

— Я в своей жизни никого не боялся, ни земле, ни небу не кланялся! Пока я сам не захочу умереть, сам Янь-ван меня не заберёт! — вдруг пробормотал господин Чу. — Я сам заварил эту кашу, сам её и расхлебаю! Оставлять это внуку — не по-мужски!